

М.П. Шадрина

Наше военное детство

Шадринск 2011

Шадрина М.П.. Наше военное детство: мемуары/ Авт.-сост. М.П. Шадрина. - Шадринск, 2011. - 20 стр.

Наше военное детство

22 июня ровно в четыре часа

Киев бомбили.

Нам объявили, что началась война.

1. Наши последние ветераны войны

Недавно отмечали широко и ярко 65-летие Победы в Великой Отечественной войне. Прошли парады, возложение венков к обелискам павших воинов, обновились памятники.

У нас в Шадринске появился памятный комплекс, посвященный Героям Советского Союза из нашего города. Отгремели салюты, прошли вечера и концерты, в которых прозвучали песни военных лет: «Катюша», «На позиции девушка провожала бойца...», «Синенький скромный платочек» и другие. Именно 9 мая в день Победы, моя внучка Оля в 5 лет запомнила и стала петь «Катюшу». Прозвучало и было опубликовано много воспоминаний ветеранов, непосредственных участников тех страшных событий. Почти каждый третий не вернулся с фронта. Уходит из жизни поколение, которое помнит эти дни. Главный летописец нашего института, участник войны Пушкарев Николай Григорьевич на встрече ветеранов 9 мая 2010 года сказал, что из 47 участников войны института, мы помним их, их имена прозвучали, осталось только четверо: Зяблов Леонид Антонович, Башкатова Валентина Александровна, Нина Васильевна Елисеева и он сам - Пушкарев Николай Григорьевич, которому 11 мая 2010 года исполнилось 90 лет. Это очень грустно. Но

время неумолимо. Постарели и дети войны - живые свидетели суровых военных сороковых.

Мой брат Юра (Черепанов Юрий Павлович), которому было 3 года, когда началась война, опубликовал книгу к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне «Образование в Зауралье в годы Великой Отечественной войны», которую без слез читать невозможно. Им описаны ужасы, невзгоды, которые пришлось испытать детям из оккупированных фашистами мест и территорий, охваченных войной. Обездоленные, напуганные бомбежками дети, голодные и замерзшие нашли приют в городах и селах нашей области.

2. Дети войны рассказывают о войне

Недавно меня пригласили выступить в 5-м классе школы-лицея №1. Не раздумывая, я согласилась. Думаю: об английской королеве, королевской семье или традициях Великобритании, а мне говорят о войне, я растерялась, а потом поняла, что теперь мы - дети войны, живые свидетели тех тяжелых испытаний на переднем крае. И я начала: «Ребята, во время войны я не была ни разведчицей, ни партизанкой, ни радисткой и ни летчицей, когда началась война, мне еще не исполнилось 5 лет, я родилась в июле. Но страшное слово «война» мы усвоили сразу. Оно означало беду и горе. Жили мы тогда на станции Сладкое, квартира была в здании вокзала, отец мой, Черепанов Павел Тимофеевич, был железнодорожником и был на должности начальника станции. Это было в 20 метрах

от железнодорожных линий. Давно это было - детство. Но многое ясно помнится.

3. Начало войны глазами пятилетней девочки, живущей на станции

До свиданья города и хаты,
Нас дорога дальняя зовет.
Молодые смелые ребята,
На заре уходим мы в поход.
Михаил Исаковский 1941

Нескончаемым потоком шли воинские поезда, эшелон за эшелоном. Солдаты ехали в теплушках, в вагонах были железные печки, и такие перила, на которые они опирались. Парни казались веселыми, красивыми, смелыми и сильными. Все поезда на станции Сладкое останавливались для набора воды. Солдаты спрыгивали из вагонов и бежали в водогрейку с зелеными алюминиевыми вогнутыми котелками с крышками за кипятком. Теперь их можно увидеть только в музеях и в кино. У нас был после войны такой котелок в доме. Женщины на перроне угощали солдат молоком и ягодами. Около вагонов казалось было весело: играли гармонь, пели песни, плясали, улыбались нам, иногда дарили мальчишкам звездочки. Шли и открытые платформы с различной военной техникой: зачехленные танки, самолеты, затянутые в брезент и другое военное оборудование. А рядом всегда находились солдаты, часовые. Когда объявляли отправление поезда, то раздавалась громкая звучная команда: «По вагонам! По вагонам!»

У меня и сейчас она звучит в ушах. Солдаты запрыгивали в теплушки, мы им махали вслед рукой и они нам отвечали, часто махая пилотками. Снова слышалось из теплушек пение: «Катюша», «Дан приказ ему на запад», «Огонек» и другие военные песни. Эти песни пели и мы. Мы не знали специальных детских песен, мы пели: «На позиции девушка провожала бойца», «Прощай любимый город» и я азартно пела вместо «Любимый город в синей дымке тает» - «Любимый город синий дым Китая», так как не понимала, что такое «в синей дымке тает».

Но с особенной печалью я вспоминаю, как везли в вагонах лошадей на фронт, их тоскливые грустные глаза. Солдаты набирали в ведра воду из большого крана и поили их, я и сейчас вижу, как они скидывали морды и ржали, в ржанье их звучали трогательные, грустные нотки, что вызывало щемящее чувство жалости к ним.

Днем и ночью, целыми сутками большие паровозы ФД и ИС тащили вагоны, не только теплушки с солдатами и платформы с вооружением. Много шло товарных поездов, вагонов, груженых углем, коксом, бревнами и цистерн с горючим. Мы считали их.

Да, кончилось мирное время. Началась мобилизация. Многие мужчины призывного возраста ушли на фронт. Горе ворвалось в каждый дом, каждую семью. Появились новые слова, понятные нам детям: солдатка – женщина, у которой муж на фронте. Все с нетерпением ждали писем-

треугольников, писем с фронта. Приходили и официальные конверты, в них были похоронки и мы, дети, понимали, как они были страшны. И появились солдатские вдовы и дети без отцов - дети погибших солдат.

Война коснулась каждой семьи и это действительно так. У нас с Юрой пропал без вести в первых боях наш дядя Кузя - Юров Кузьма Поликарпович, младший брат мамы. Мы и дядей-то его не называли, таким он казался молодым. Я его немного помню, худенький, не очень высокий, очень спокойный, скромный, говорил негромко. И самое горькое и обидное, что имя его не упоминается в Книге Памяти. Был он 1925 года рождения, жил на станции Сладкое, работал весовщиком на станции Мишкино, призывался Мишкинским райвоенкоматом. 3 месяца обучался в Чебаркуле, а потом в самое пекло на Украину, к Днепропетровску, где шли тяжелые бои, оттуда была весточка, а потом извещение: «Пропал без вести» и всю жизнь моя бабушка, Февронья Венедиктовна, до конца дней своих ждала его, надеялась и плакала о нем. Выйдет в огород и запричитает: « Где ты, Кузенька мой?». Позднее я помню, что бабушка берегла и хранила низкую скамеечку, покрашенную в зеленый цвет, и говорила нам, что ее делал Кузя. И еще упоминала, что под окном росла яблоня-дичок, которую посадил Кузя. В семье к этому относились бережно.

Были сделаны попытки найти его следы, Юра обращался в военкомат в Мишкино и облвоенкомат. Люба, моя двоюродная сестра, тоже писала в какие-то

органы, но все безрезультатно. Нет следов. Мы с Толей, моим мужем, неоднократно обращались к Сметанину Александру Михайловичу, который отвечал за выпуск «Книги Памяти», но ничего не добились, но прилагаем еще усилия, чтоб добиться положительного результата.

Призвали в армию и дядю Андрюшу Котенева - Андрея Максимовича, который до войны работал дежурным по станции Сладкое. Служил он до конца войны в Ирбите. Дядя Андрюша был мужем моей тётки Дуси, маминой младшей сестры. И осталась тётя Дуся с тремя маленькими детьми: Нина - на год меня старше, Толя - мне ровесник и Люба - ровесница Юре. Еще с ними жила старшая дочь Андрея Максимовича от первого брака. Жили все в одной комнате, в железнодорожной будке.

Жизнь изменилась. Мужчин на работе заменили женщины. Тётя Дуся пошла работать стрелочницей. Появились эвакуированные. К тётке Дусе подселили в ее будку, которая состояла из одной комнаты, около 15 м. площадью, женщину, тётю Надю из оккупированной Украины с девочкой, примерно нашей ровесницей, у которой был красивый вязаный воротник и муфта, что мне дошкольнице запомнилось очень хорошо. После освобождения Украины они вернулись в свои родные края.

Мои военные воспоминания относятся ко времени, когда мы жили в Сладкое и Шумихе. Когда началась война, мы жили на станции Сладкое. Отец работал сутками, поезда шли нескончаемым потоком с важными грузами. Регулярно проводились ночами

селекторные совещания самим министром путей сообщения Кагановичем Л.М.

Всё работало по законам военного времени. У отца была «бронь». Потом в 1943 году моего отца перевели в Мишкино начальником станции, а в 1944 году дежурным по станции в Шумиху - крупный железнодорожный узел. Время было очень жесткое. И когда в его смену случилось, что стрелка была неправильно переведена стрелочником, то вся смена была наказана, отстранена от работы, с отца сняли «бронь» и призвали в армию. Служил он недалеко от Кургана, на Увалах. Там был танковый полигон для обучения солдат вождению танка. Обучали несколько месяцев, готовили механиков-водителей танка для отправки на фронт. Павел Тимофеевич описал это все в своей книге «История моей жизни». Это были 1944 - 1946 годы, его на фронт не отправили. Война закончилась, и его демобилизовали.

Трудное это было время. К нам в крошечную квартирку в Шумихе подселили еще одну семью Баженовых, тётю Дусю с двумя мальчиками. Мишка был моих лет, Венка - постарше, ему было лет 14, и он уже работал где-то.

Там в 1944 году я пошла в первый класс в железнодорожную школу №9.

4. Мой первый класс

Шумихинская железнодорожная семилетняя школа №9 располагалась в двух деревянных одноэтажных зданиях. Просторная территория была

огорожена штакетником, между зданиями была спортивная площадка. Начальные классы занимались в здании поменьше, а во втором здании, мимо которого мы проходили, занимались классы среднего звена и находилась администрация школы. Воспоминания возвращают нас в мир детства. С любовью и благодарностью вспоминаю свою первую учительницу Маракушину Александру Дмитриевну. Мне и сейчас она видится: высокая, красивая, элегантная, с седоватыми волнистыми волосами, тип дореволюционной учительницы. Я очень стеснялась и робела перед ней. Она заметила, что я плохо вижу, я сама этого еще не понимала, и пересадила меня поближе. Немногое помнится из первого класса. Долго мы писали палочки, петельки и крючки, одни линии волосяные, другие с нажимом в специально разлинованных тетрадях для 1 класса, которые нам выдавали в школе. Высунув язык, мы писали и писали, осваивали каллиграфию для будущего чистописания. Почти у всех моих ровесников почерк хороший. Еще помню, что в школе иногда выдавали по кусочку хлеба или по булочке, я несла ее домой поделиться с младшим братом Юрой. Это было такое лакомство. Запомнилось, что изредка нам давали граммов 150 сахара, я шла домой из школы и сосала этот мешочек. Мы все из одного детства и, вспоминая детство, будучи зрелым человеком, переносимся чувствами и эмоциями в жизнь того времени, воспринимаем ее душой ребенка.

Есть такое понятие, как поколение, то есть, общность людей, которые объединены не только

временем рождения, но и социальными и историческими событиями, которые выпадают на жизнь этих людей. И от этого их судьбы становятся во многом похожими. Наше поколение, наши сверстники - дети войны, детство и юность которых пришлись на военное и послевоенное время.

Дети войны -
Так народ называет
Тех, чье детство прервала война.
Раньше лет своих взрослыми стали
И познали всю тяжесть труда.

5. Наше питание

Жили тяжело и бедно, голодно и холодно. Помню в Шумихе мы с мамой ходили корчевать пни, чтобы расчистить поле для посадки картошки, а пни тащили в мешках на топливо, дров не хватало.

Мне было 8 лет, а Юре на полтора года меньше. В апреле ходили собирать мороженую картошку, из нее пекли лепешки. Они были темного цвета и очень невкусные.

Жили мы в то время тоже недалеко от железнодорожной линии, совсем недалеко от погрузочной площадки и там охотились за чем-нибудь съестным, хотя, конечно, нас оттуда прогоняли. Прежде всего, это был жмых. Здесь в Шадринске, где мой муж провел свое военное детство, употреблялось слово колоб. Я не знала это слово. Но жмых знала двух видов: это темная плитка с колючей подсолнечной шелухой, довольно-таки

твердый, мы его грызли и сосали, перед этим раскалывая на маленькие кусочки, и еще другой - посветлее и помягче, соевый, это было уже лакомство и мы грызли эту пищу, предназначенную для скота, и были довольны и счастливы.

Кусочками жмыха мы делились с друзьями и обменивали на что-нибудь. Дочь шумихинских друзей моих родителей Ольга Петровна Мишура описывает даже три вида жмыха в воспоминаниях о своих школьных годах в военное время.

Хлеб давали по карточкам, но чтоб получить его, надо было долго, часами, стоять в очереди, да и то, вдруг отойдешь, тебя не пустят и вытолкнут, да еще всегда был страх потерять карточки, так как они не восстанавливались.

6. Наш переезд на ст. Сладкое

Горькая нужда и страх нищеты заставили маму задуматься, как жить дальше. Посоветовавшись с отцом и родными, она решила переехать с нами в Сладкое, поближе к своим. Там жила моя бабушка, мамина мать с младшей дочерью Валею и тетя Дуся с детьми. Мама продала корову, бодачую Маньку, которую я так и не научилась доить, так как боялась ее и вспоминается, как мы с Юрой встречали ее с пастбища из стада. Идем сзади, близко не подходим и на расстоянии кричим, вичками машем: «Домой, Манька!» Так и идем за ней, а как она зайдет в загон или в стайку, закроем ее и ждем, когда мама придет. А мама поздно приходила с покоса или заготовки

дров. А подоить корову, кроме мамы, никто не мог, все ее побаивались. Хоть жалко ей было корову Маньку продавать, так как отец ее очень любил, но нужда и обстоятельства требовали этого.

Продав корову и заняв какую-то сумму, мама купила небольшую избушку в Сладкое с большим огородом, мне тогда казался он очень большим, и мы с Юрой помогали обрабатывать этот огород. Мама делала все, чтобы мы не голодали, купила овец, а позднее и телку. Делала холодец, продавала у пассажирских поездов. Картошка с молоком - была основной пищей, хлеба не было. Мама купила ручные жернова, и мы с Юрой мололи, все, что можно, просо, отходы разные. От этой еды у меня позднее развился страшный фурункулез. Врачи говорили, что нарушен обмен веществ, и мне делали переливание крови, потом мне было велено пить гематоген и рыбий жир. Юра рос худеньким и часто жаловался, что у него болит живот.

Над родиной в разрывах
Закаты и рассветы.
Но все же звоночек школьный звал нас на урок
Тетрадей нет и классы не согреты
Порой вместо чернил – свекольный сок.

Г. Аверин

В тот год я пошла учиться во второй класс, а Юра – в первый. В Сладкое была тогда начальная малокомплектная школа. И в одном помещении учились сразу два класса: 1 и 3, 2 и 4.

Учились в две смены, и было два учителя. Одна из них была Топоркова Евдокия Михайловна, которая

была Юриной учительницей и заведующей школы и делала все, чтобы обеспечить учебный процесс. Не хватало учебников, тетрадей, карандашей, перьев. Школа отапливалась дровами, во время перемен все старались быть поближе к печке. Освещение было керосиновыми лампами, которые заправляла Панькова тетя Шура, техничка в школе, которая топила печь, чистила стекла для керосиновых ламп и выполняла другие обязанности по школе. Мы ее любили.

Дома у нас тоже была керосиновая лампа, десятилинейная. Нашей с Юрой обязанностью было заправлять лампу, ровнять фитиль и чистить стекло. Радио у нас тогда дома не было, часы были ходики, с гирей. Юра ходил в первую смену и всегда боялся проспать. Проснется ночью: «Ой, я проспал!». А чтоб посмотреть на часы, надо было зажечь спичку, поджечь лучинку и увидеть на циферблате время.

7. Общение с детьми родственников

Избушка наша в Сладкое была за линией, напротив тети Дусиной будки рядом с Белобородовыми. (Толя и сын Вова помнят, где это) и мы несколько раз в день ходили через железнодорожные линии, а иногда спешили в школу, а на пути стоял поезд, и приходилось нам перебираться через тамбур или лезть под поезд, под вагон. И делать это нам приходилось часто. Через станцию везли уголь, кокс. Кусочки угля при толчках падали на землю вдоль линии. И мы с ведерками

часто ходили и собирали замерзшие комочки, особенно ценили блестящие кусочки угля - антрацит, который очень хорошо горел. Иногда поезда с углем останавливались близко и Толя Котенев с мальчишками скидывали кусочки угля. Кондуктор отворачивался, будто не видел, жалея мальчишек. Накидают для нас, а мы потом собирали.

Мы очень тесно тогда общались с нашими двоюродными сестрами Любой и Ниной и двоюродным братом Толей. Часто бегали к ним через железнодорожные линии. У них была круглая железная буржуйка-печка, на которой мы жарили тонкие пластики резаной сырой картошки. Ой, как вкусно!

Дети войны,
Мы все претерпели:
Голод, холод, болезни, нужду.
Под шинелью военной России
Выжить смогли на подножном корму.
Нам конфеты морковь заменяла,
Хлебом насущным картошка была,
Печка-буржуйка теплом согревала,
И врачевала природа сама.

Часто бегали к бабушке, общались и дружили с Валею, нашей тетей, которая была нам как сестра, так как была она старше меня и Толи только на 4 года.

8. Подножный корм в Сладкое

Кормилец Кузя пропал без вести, бабушке ничего не платили и они с Валею очень бедствовали. Мы спасались молоком и картошкой, а Валя не любила

молоко, а есть больше нечего. Вот и оставалось только то, что росло в лесу и огороде. Я с бабушкой и Валей часто была в лесу. Наши родные леса и поля, наша природа богата разной питательной снедью. Летом подножный корм становился лакомством, а иногда и сытной пищей как грибы. Вырастали люди со знанием природы и благодарностью ей. С тех пор знаем, какие грибы ядовитые, а какие годные для питания. Самые лучшие для нас были сухие грузди, любили сыроежки, которые называли синявками, хотя они были разного цвета. Грибы солили, сушили, варили груздянку, жарили и готовили другие разные блюда. В нашей семье очень любили грибные пельмени. Любили подберезовики (обабки), и подосиновики (красноголовики). Проблема была с мукой, использовали отруби и отходы с охвостьями.

Подножный корм дал возможность выжить. Это сухая крапива, лебеда в тесто, полевой чеснок и кислятка полевая, пеканы или пучки. Молодые побеги пеканов казались очень вкусными. Их отваривали и сырые чистили и употребляли в пищу. Бабушка варила из пучек суп и даже рубила в корытце, и делала вполне съедобные блюда.

В Гагаркино росли камыши и их толстые корни превращали в мучку. Весной в апреле цедили березовый сок, иногда подрубали березу, но мне всегда было ее жалко, иногда сок сам стекал, подставляли только посуду. Когда пилили березовые дрова, то обдирали пенку и ели. И, конечно, припасали на зиму ягоды. Бабушка постоянно говорила нам: «Лето – припасиха, а зима -

прибериha». И мы с удовольствием усердно собирали клубнику, ее было много около станции Сладкое, сушили ее, свежую ели с молоком, собирали костянику (говорили костянку), мочили ее. Сушили вишню, боярку, черемуху, которые использовали для лечебных целей. Нам внушали, что добудешь летом, тем зиму протянешь.

Скудное питание приводили к болезням. Многие дети были больны золотухой, страдали от рахита.

Мы с Юрой чувствовали неутомимую заботу мамы о нас. Сколько помню маму, бабушку и тетю Дусю - постоянно в заботах, в движении, в труде.

Сладостями зимой были сушеная морковь и свекла. Из свеклы варили парёнки. У бабушки ели очень вкусную кулагу. Вот это лакомство! И еще об одном лакомстве. Это жвак. Да, были и жвачки. Не черные гудроновые, безвкусные, жесткие, а настоящий вкусный коричневый жвак, который изготавливали из бересты, но изготовление его, видимо, требовало много времени и нам не часто приходилось испытывать это удовольствие. Бабушка наша умела делать такой жвак.

В войну дети быстро выросли и многое умели делать в доме, огороде, управляться со скотиной. До темна женщины и дети были в труде.

Жили скученно, в тесноте. По одному не спали. Кровати были железные, на кровати были доски. С панцирной сеткой кровать у нас появилась позднее, поэтому мамина перина была очень хорошей и мягкой. Когда кто-то приезжал, то устраивался на полу или на сундуке. Когда ночевали у бабушки, то

спали на полатах, мы очень любили там лежать, не мешаться у взрослых под ногами. Была удобная лестница, покрашенная в зеленый цвет, по которой мы залезали на печку, там было тоже очень уютно и тепло. Конечно, баловались, играли и я помню, как я упала, когда лезла с печки на полати.

9. Наши игрушки

Жили дружно. У бабушки было лото, любили играть вечерами зимой. Игрушки были самодельные. Шили кукол, набивали опилками, ватой, иногда мелко нарезанными тряпочками, расписывали личико, волосы были из пакли. У некоторых получались очень красивые. Мячики катали из шерсти овечьей, и они не всегда были круглыми. Резиновый мячик у меня появился, кажется, в третьем классе - купили на базаре в Кургане, это было уже после войны. Рано учились вязать крючком и спицами. Я любила вязать крючком, обвязывала платочки. Валя собирала разные тряпочки и шила лоскутное одеяло, рисунок был красивый, из шестигранников появлялся как бы цветок, она шила долго, но всё-таки сшила, мы помогали собирать ей тряпочки. Помню, я собирала цветные стеклышки и обломки от красивых блюдец, чашек, тарелок. Мальчишки строгаги деревянные шашки и мечи и играли в войну, иногда и нас принимали с ними играть, мы были санитарками.

Одевались, конечно, бедно. Все было самодельное. Шили наши мамы вручную, швейная машина у нас появилась после войны. Перешивали

нам, детям, из вещей взрослых. Есть у меня фотография, где на пальтишке пуговицы разные.

Чулки, носки, теплые кофточки вязали из овечьей шерсти. Белую шерсть красили сами, была такая краска специальная - анилиновый краситель для шерсти. Спицы были самодельные, из твердой проволоки. Трудно было купить нитки, иголки, бельевую резинку. Помню в Сладкое и Шумиху приезжал «реможник» на лошади. Ему сдавали разные поношенные вещи, ветошь, а взамен получали женщины иголки, пуговицы, резинку бельевую, а нам доставалась роскошь жизни - глиняные свистульки.

Катастрофически не хватало спичек, соли, мыла. Некоторые умели высекать искры и добывать огонь как в пещерные времена, ходили к соседям за угольками, сохраняли угольки в русской печи в загнете.

В ходу была комковая соль, которую толкли в ступке железным тяжелым пестиком.

Что касается мыла, то было в ходу «духовое земляничное мыло», а хозяйственное мыло некоторые варили сами из кишок.

Появились вши. В школе часто проверяли на вшивость. Голову мыли щелоком. Заливали березовую золу кипятком. Очень хорошо промывались волосы.

Валя, наша тетя, была старше нас на 4 года, и, если я училась во втором классе, то она училась в 6-м классе и ходила с подругами в семилетнюю школу в село Введенское в 4-х километрах от станции

Сладкое. Ходили пешком, тогда это было нормальное явление. Осенью в слякоть и дождь, в плохонькой одежонке, зимой - по сугробам, утром в темноте. Иногда говорили о волках, мы не зря боялись. Война пригнала стаи хищников в зауральские леса, и в начале осени и весной голодные звери заходили даже в деревни, и слухи шли, что там в Введенское задрали овечку, то в Сухановой, тоже деревня, расположенная в 4-5 км от станции. И когда мы ходили без взрослых в лес, даже с Валею, то побаивались, любой шорох нас пугал.

10. Наша вера в победу

Валя с подругами писали письма бойцам на фронт, к праздникам готовили подарки: шили кисеты, вышивали их, вязали носки; варежки вязали с двумя пальцами, чтобы солдату можно было держать винтовку. Иногда получали ответы, читали вслух, обсуждали, а мы, младшие, были рядом и жадно слушали.

Когда объявили, что Германия капитулировала, слово «Победа» было у всех на устах, люди смеялись и плакали, так как многие не вернулись.

Это была “радость со слезами на глазах”. Что меня тогда, девочку, поразило, это следующее: соседкой нашей в Шумихе была парикмахерша тетя Маруся, которая работала в военном госпитале, где лежали пленные немецкие офицеры. Когда немцы узнали о поражении фашистской Германии, они, радостно приплясывая, кричали: «Гитлер капут!

Гитлер капут!». Меня поразило, что немцы радовались нашей победе, я тогда не понимала с моими патриотическими настроениями, что немцы бывают разными.

Хотя наше детство пришлось на суровые тяжелые военные и послевоенные годы, несмотря на невзгоды и бедность, в нас жила радость жизни, надежда и вера в победу. Мы свято верили словам Иосифа Виссарионовича Сталина: “Враг будет разбит, победа будет за нами”. Настроение было патриотическое. Люди в войну жили дружно, помогали друг другу и выручали в трудную минуту.